

Вырезка из газеты

Литературный

2 от

14 НОЯ. 1936

Ленинград

Я П О Н С К И И Х У Д О Ж Н И К - Р Е В О Л Ю Ц И О Н Е Р

БЕСЕДА С РЕЖИССЕРОМ ХИДЗИКАТО О ЯПОНСКОМ ТЕАТРЕ

На весь мир прогремело смелое революционное выступление тов. Хидзикато на нашем писательском съезде. Эта речь открыла ему обратную дорогу в Японию. Теперь он, — с нами. С удвоенной энергией, — заявляет Хидзикато, — будет он продвигать дело своей жизни — работу в пролетарском театре.

Беседа наша происходила в Институте народоведения Академии наук, где, начиная с 14 ноября, состоится цикл докладов тов. Хидзикато о литературе и театре современной Японии.

— Японская театральная жизнь, — рассказывает наш гость, — отличается сложностью, запутанностью и своеобразием. Наряду с наследием феодальных времен — каноническим театром Кабуки — существуют сцены, испытывающие на себе смешанное влияние и Кабуки и европейского театра. Большое место занимают мюзик-холлы, ставящие «свезю» в подражание Паризу и Нью-Йорку, и, наконец, существуют начисто отказавшиеся от японских традиций буржуазные драматические театры в европейском смысле этого слова.

Любопытно отметить некоторые сдвиги, происшедшие за последние годы. Взять например Кабуки. Здесь наряду со старыми историческими вещами начали играть современные военные шовинистические пьесы. В одной из них — «Адмирал Того» — актер Итикава Сададзи, известный ленинградским зрителям, изображает адмирала. В литературном отношении эти пьесы представляют жалкую сдвигу. В режиссерском же смысле Кабуки заимствует много приемов у пролетарского театра, о котором речь впереди.

На сценах смешанного направления («Симла») можно встретить пьесы на социальные темы, где изо-

бражаются конфликты между рабочими и фабрикантами, крестьянами и помещиками. Однако, такие конфликты разрешаются обязательно с точки зрения «японского чувства», в духе надклассовой зационной гармонии. В общем, нечто напоминающее фашистскую идеологию в Германии.

Что касается современного (европейского) театра в собственном смысле слова, то лет 10-20 назад он играл для интеллигенции, его вдохновительница, прогрессивную роль, борясь с феодальными формами в искусстве. Тогда на таких сценах ставили Шекспира, Ибсена, Чехова, Горького. Сейчас не то. Прогрессивная интеллигенция политически подавлена, в ее театрах играют французские пародовые комедии, либо японские подражания им.

Гораздо интереснее работа пролетарских театров, получивших в Японии значительное развитие. Имеется 20 постоянных, крепко сколоченных трупп и около 200 небольших передвижных коллективов. Разумеется цензура свирепствует против этих театров, но актеры научились техникой и мимикой выражать многое, чего нельзя сказать словами.

70 проц. японских драматургов работает для этих пролетарских сцен.

Мне кажется, что по крайней мере две из пьес пролетарского театра могли бы заинтересовать советских читателей и зрителей. Это, во-первых, «Газ» Мисоэ Дзюро — борьба фашистских и коммунистических идей среди рудничных рабочих, и во-вторых, «Северно-сахалинские нефтяные поля» Хисамта — пьеса, недавно запрещенная в Японии. В ней показано, как японские рабочие на

советских промыслах объединяются со своими братьями по классу — советскими горняками и совместно парализуют прохвосты японской буржуа, направленные против пятилетнего плана.

Основанный революционной интеллигенцией пролетарский театр Японии с каждым годом развивается и постепенно охватил самые широкие круги рабочих и крестьян. Его манера — чисто реалистическая, его тематика — социальные конфликты в разные эпохи японской истории.

Как вы можете себе представить, — закончил Хидзикато, — я увлечен театральной жизнью Москвы, ее изумительными спектаклями. Между прочим, мой японский глаз уловил некоторые черты заимствования из японского и китайского театра, — заимствования, произведенного с большим вкусом и отличными результатами.

В «Разбеге» и в «Матери» у режиссера Охлопкова (театр Красной Пресни) заимствован, мне кажется, японский способ перенесения действия в гущу зрителя, нечто вроде «Дороги цветов» («Ханамидзи»). У Мейерхольда его диагональные (под углом к зрителю) мизансцены в «Даме с камелиями» навеяны, быть может, опытом Кабуки и древнейшего театра Но.

А с другой стороны японские режиссеры черпают пригоршнями у Станиславского (психологическое оправдание образа) и у Мейерхольда (био-механика).

Мне лично также хочется попробовать свои силы на советской сцене и поставить с русскими актерами японскую пьесу.

Какую? Где? Когда? На эти вопросы я пока не могу ответить. Все находится еще в периоде обдумывания и обсуждения.